

УДК 81

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВНЕШНЕМ ОБЛИКЕ РУСАЛКИ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ РУССКИХ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Мария Андреевна Гранова

ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614000, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

На материале мифологических текстов Пермского края рассматриваются представления о внешнем облике русалки, функционирующие в сознании русских жителей региона. В пермской традиции отмечаются следующие общеславянские элементы: русалка может принимать антропоморфный, зооморфный или предметный облик; чертами ее антропоморфного облика являются длинные волосы, нагота, одежда белого или красного цвета, телесные аномалии, а атрибутами – водоросли, искры и гребень. К региональным особенностям внешности персонажа относятся мужской антропоморфный облик и волосистой покров по всему телу. При этом ареальное распределение типов персонажа в общеславянской традиции происходит по признаку красивый/безобразный, а в пермской – по признаку архаический (русалка с ногами) / осовремененный (русалка с хвостом). Первый тип известен на севере края, второй – под влиянием СМИ – распространяется по всей территории региона.

Ключевые слова: народная демонология; русалка; мифологический текст; русские говоры; Пермский край.

Введение

Изучение народных демонологических представлений жителей различных славянских территорий в настоящее время является одним из значимых направлений работы фольклористов и этнолингвистов. Мифологические представления русских Пермского края также не остаются без внимания исследователей. Среди фольклористических работ, посвященных анализу этой региональной традиции, можно назвать исследования С.Ю. Королёвой (см., напр.: [Королёва 2014; Королёва, Беломестнова 2018]); этнолингвистический подход прослеживается в работах [Боброва 2015; Подюков 2016, 2019; Русинова 2019, 2020; Русинова, Шкуратор 2018; Черных, Русинова, Шкуратор 2016].

Настоящее исследование также выполнено в рамках этнолингвистического подхода. Наша задача – рассмотреть народные представления о внешнем облике русалки, функционирующие в сознании русских жителей Пермского края. Материалом для исследования служат мифологические тексты, собранные студентами и сотрудниками Пермского государственного национального исследовательского университета в период с 1980 г. по 2019 г. во время экспедиций в различные районы Пермского края и находящиеся в диалектологическом архиве лаборатории лексико-

логии и лексикографии (руководитель – доц. И.И. Русинова) и фольклорном архиве лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (руководитель – доц. С.Ю. Королёва) филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (Материалы), а также тексты, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках, посвященных различным локальным традициям региона.

Согласно данным этнолингвистического словаря «Славянские древности», русалка – «персонаж восточнославянской мифологии, вредоносный дух, появляющийся в летнее время в виде длинноволосой женщины в злаковом поле, в лесу, у воды, способный зачекотать человека насмерть или утопить в воде» [Виноградова 2009: 495]. При этом в традиционной культуре славянских народов существует два типа русалок: северный тип, для которого характерны «1) женская ипостась; 2) появление у воды; 3) мотив расчесывания длинных волос» [там же: 495], и юго-западный тип, признаками которого являются «1) женская ипостась; 2) сезонность пребывания на земле (тройцо-русальный или купальский период); 3) принадлежность к категории “заложных покойников”; 4) появление в злаковом поле, в лесу, на деревьях, реке – у во-

ды; 5) щекотание» [там же: 496]. При этом внешний вид русалки северного типа непривлекательный, она описывается как «черноволосая, лохматая, бледная баба с отвисшей грудью» [там же: 496]; русалки же юго-западного типа могут выглядеть по-разному: «как молодые красивые девушки, обнаженные или в белых одеждах; как девушки-покойницы, похороненные в свадебном наряде <...>; как маленькие дети» либо «как страшные бабы, косматые, безобразные, с отвисшей грудью» [там же: 496].

На основе анализа мифологических текстов Пермского края попытаемся выявить особенности внешнего облика пермской русалки на общеславянском фоне.

1. Антропоморфный облик

Чаще всего русалка в пермской традиции появляется в антропоморфном (женском) облике, что соответствует славянским представлениям [там же: 496], а иногда предстает в виде ребенка:

В двенадцать часов ночи, если мельницу без призора оставишь, то русалка прыгнет и остановит ее. <...> [А на что она походит?] На сороку походит и на человека (Узьяр Куед.; КБ: 21);

Иду как-то по берегу речки, смотрю – а на камне девушка сидит. Я присмотрелась, а это – русалка (Бырма Кунг.; Материалы);

Пошли мы с пацанами в лес на Гриф у Степовки. <...> Слышу смех, и плещется кто-то. Вышел, смотрю, четыре девчонки ныряют, купаются. Длинные волосы, русые. На голове водоросли. Девки голые, но лиц я не рассмотрел, далеко стоял, а они смеются. Я пошел за парнями, чтобы им показать, а девчонок уже не было (Пожва Юсв.; Русские: 231);

Баба одна говорила, что белье полоскала, слышит шум, глядит, а там на берегу баба молода сидит, голову чешет, волосы у нее длиннющие. Так это чертовка была (Тетерино Сол.; Материалы);

Я пошла <...> к водоёму-ту, выходит из речки такая косматая женщина и говорит: «Ты зачем сюда пришла?» – «Я, – говорит, – воду ношу». – «Носишь. А в бога веруешь?» – «Я старуха, да чё, как нет, я ведь крещёная». – «Ты перекрестись, тогда воду бери». И смотрю: этой старухи не стало (Ракшино Кудым.; Русские: 232);

В воде есть русалки, водяные. Один мужик рыбачил. Ему попал ребёнок из воды. Из воды женщина выбежала и говорит: «Если бы ты с моим ребёнком что-то сделал, то я бы тебя убила» (Тылаево Юсв.; Материалы).

Иногда русалка может принимать облик родственников или соседей человека или даже превращаться в мужчину:

Мне русалка виделась – это к худому. Как-то прииделась: я с фермы пришла, сижу одна, зыбку качаю, гляжу, женщина идёт в белом платке, похожа на

Маню, соседку. Прошла мимо, не зашла <...>. Я на полати полезла, слышу, двери открылись, заходит сестра мужа, зашла и громко так говорит: «Мак, никого, видно, дома нету». Я отвечаю: «Я, кумушка, дома». Спустилась с полатей, а никого нету. Потом уж темно стало, слышу, два мужика идут, поют солдатскую песню. Мой старик и сосед Иван. <...> Я ждала, <...> а никто не зашел. Мужик после приходит, я спросила. Это не мы, говорит, были. Вот вскоре после этого у меня с мужиком беда случилась (Пож Юрл.; Русские: 232–233).

Отметим, что такие представления не характерны для общеславянской традиции.

1.1. Красота/безобразие

Что касается представлений о красоте и безобразии персонажа, то на всей территории Пермского края в равной степени распространены оба мотива:

Русалку видели котеры – рыбаки. Красивая, сидит на берегу, чешет волосы гребнем, искры вовсе летят (Пожва Юсв.; Русские: 231);

Русалка – самая красивая женщина. Я ее сам видел (Б. Долды Черд.; ББ: 48);

[А о русалках что-нибудь слышали?] У нас видели их, они на берегу сидят и чешутся. Они очень красивые, раньше говорили, что русалки – это дети, которых родители проклинали (Первомайский Сив.; Материалы);

Про шиишгу слышала. <...> Русалка – это какой-то зверёк, а шиишга – и есть шиишга. Это страшная баба, некрасивая (Н. Савята Киш.; Материалы);

На мельнице чертовка у воды живет, дедушка рассказывал. Она хохлата, хохлатушша ему вышла, страшная. Шибко нехорошая. Раньше боялись ее (С. Шагирт Куед.; КБ: 21).

1.2. Волосы и покров

Согласно славянским верованиям, одним из главных признаков антропоморфной ипостаси русалки являются очень длинные волосы:

Русалку два человека у нас видели, волосы длинные, сбела, русые. Если она их расчёсывает – это к несчастью (Пож Юрл.; Русские: 232);

У меня девки-то все смеюша, девки-то, мнучки, ты, мол, купаешься часто, тако тебя мать-русалка-то поймает. Она будто де на берег сидит, волосы чешет, патлата де, мохнатая (Лобанова Юрл.; там же: 231);

Русалки раньше выходили к тем, кто должен был утонуть. Выходят на берег, сидят чешутся, лохматые все (Дмитриевское Ильин.; Материалы);

Русалка така же девка, только волосы беда долги, коса, она в речке всё сидит, а как вылетит, и побежит сразу за человеком (Таволжанка Юрл.; Русские: 232);

И вот эта вышла-то и села – русалка ли, кто ли – на березу и чешет волосы, черные, до озера (У. Уролка Черд.; ББ: 43–44).

Кроме того, в пермской традиции русалка бывает полностью покрыта шерстью:

В двенадцать часов ночи, если мельницу без призора оставишь, то русалка прыгнет и остановит ее. <...> Волосы длинные, черные, вся в шерсти, днем не выходит (Узьяр Куд.; КБ: 21);

Русалка – девка, глаза человечьи, сама голая, а тело в шерстинках (Липухина Юрл.; Русские: 232).

Отметим, что в народной культуре «распущенные и непокрытые волосы считались ... характерным признаком женских персонажей нечистой силы: русалок, вил, самовил, ведьм» [Толстой, Усачева 1995: 423], поскольку выступали знаком их принадлежности в «нечеловеческому» миру. С другой стороны, шерсть, мех и густой волосяной покров в традиции служат «символом богатства и плодovitости» [Плотникова 2012: 576]. Поэтому можно обнаружить еще одно значение длинных волос и шерсти пермской русалки: они указывают на витальную силу персонажа; такая семантика рассматриваемого символа оказывается особенно важной в текстах, где русалки сидят на деревьях, поскольку этот персонаж способен стимулировать вегетацию растений.

Волосы пермской русалки чаще всего черного цвета, однако они также могут быть светлыми (белыми) или рыжими:

Отец <...> пошёл в армию <...>. Пошёл он через речку. <...> Женица сидит в красном платье <...>, а она сидит на берегу, расчёсывает волосы. Волосы длинные, черные, и вот она гребнем их расчёсывает (Берёзовка Усол.; УД: 212);

Вот здесь, говорят, в деревне где-то там по ключам тоже пошли и смотрят – идет девушка, страшная такая, и волосы черные чешет (Бахари Черд.; Материалы);

[А как выглядели русалки?] *Ну с человеческой головой, с женской головой и с хвостом с рыбьим. <...> [А волосы какого цвета?] Чёрные (С. Коммунар Сив.; Материалы);*

Она говорила, что <...> русалки есть <...>. У них нет хвоста. Они просто женщины, девушки молодые, красивые, но у них обязательно длинные волосы только. <...> [А волосы-то у них темные или светлые?] Светлые, светлые (С. Коммунар Сив.; Материалы);

У нас есть озеро Маленькое в лесу. <...> Двое <...> вышли, такие красивые, волосы блестят, распущенные по спине, лицо такое красивое, две девки. <...> Рассказывал – волосы светленькие, рыженькие такие (Таман Усол.; УД: 212–213);

[Как выглядит русалка?] *Девушка, волосы бывают белые, рыжие, чёрные, русые. Лохматая (Дмитриевское Ильин.; Материалы).*

Указанные представления жителей края находятся в русле общеславянской традиции, где «наиболее семантически и символически “нагружены” белый цвет, красный цвет, черный цвет» [Белова 2012а: 474]. Так, черный цвет «обладает однозначной негативной символикой, ассоциируясь с несчастьем, мраком, землей, смертью, нечистотой, с “чужим”, злым или демоническим началом, с потусторонним миром» [Белова 2012б: 513–514]. Таким образом, в рассматриваемых текстах волосы черного цвета маркируют русалку как представителя «нечеловеческого» мира. Белый цвет «изначально <...> принадлежал похоронному обряду и символизировал смерть, о чем свидетельствуют белые похоронные и траурные одежды» [Тараканова 2012: 15]. Он маркирует принадлежность русалок к миру мертвых, поскольку по происхождению это «души умерших людей (преимущественно детей, девушек, женщин) либо тех из них, кто покончил жизнь самоубийством» [Виноградова 2009: 496]. Символика красного цвета связана «с огнем, и с огнем как небесным, так и огнем подземного царства. Отсюда своеобразная энтантиосемия красного цвета в мифологической символике: это цвет жизни, солнца, но это и цвет потустороннего мира, демонических сил. Именно поэтому красный цвет часто присутствует в описаниях мифологических персонажей» [Черепанова 1996: 140]. Таким образом, все три цвета маркируют демоническую природу русалки.

Встречаются на территории края и поверья о русалках с зелеными и серо-зелеными волосами:

Мать говорила. В августе были белые ночи, и пошли они полоскать белье с подружками, взяли корзинку, до пруда не доходят, видят: сидит девка, чешет волосы зеленые зеленым гребешком (Добрянка Добр.; ББ: 45–46);

Иду я как-то раз поздно вечером по мосту, гляжу, а на берегу-то, на бревне, сидит девка, вовсе без ничего, голая, значит. Сидит и волосы чешет, не гребнем каким, а вовсе рукой. <...> И не черные они, а какие-то серо-зеленые, густые, и не прямые, а волнистые (Будкеево Окт.; Материалы).

С одной стороны, такие волосы маркируют русалок как демонических персонажей, поскольку у человека не бывает натуральных зеленых волос. С другой стороны, зеленый цвет «в народной культуре соотносится растительностью» [Белова 1999: 305] и может символизировать связь персонажей с вегетацией растений.

Маркером потусторонности персонажа могут выступать и золотые волосы:

Работал мужик мельником <...>. Выйдет на берег, ему говорят голоса: «Смотри, только чтоб через

левое плечо!» Он смотрит влево и видит – девки, **волосы золотые** (Караг.; КС: 93).

Это обусловлено тем, что золотой в народной культуре, с одной стороны, символизирует богатство, красоту, долговечность и божественный мир, а с другой – связан с хтоническим миром, «тем светом» и различными демонологическими персонажами [Агапкина, Виноградова 1999: 352].

1.3. Нагота

Следующим важным признаком пермской русалки является нагота, эти представления есть на всей территории края:

*Слышу смех, и плещется кто-то. Вышел, смотрю, четыре девчонки ныряют, купаются. <...> Девки **голые**, но лиц я не рассмотрел, далеко стоял, а они смеются.* (Пожва Юсвь.; Русские: 231);

*Русалок, леших у нас теперь нет. Раньше они могли перед бедой показаться. Сыну вот увиделось, когда зимой на тракторе ехал: женщина по дороге бежит – **голая**, растрепанная* (Бондюг Черд.; ББ: 49–50);

*Глаша была продавцом. Идём мы по Сылве. Она говорит: «Смотри, подружка [русалка] сидит». Она сидит на пне, чешется. Волосы страшные, чёрные, сама **без одежды**. Она в воде живёт* (Меча Киш.; Материалы);

*За Осой парень пас коров, и вышла женщина **нагая**. «Дай мне платье, – говорит, – но никому не сказывай»* (Беляевка Охан.; Материалы).

Отметим, что нагота – признак, «оцениваемый в народной культуре негативно и сближаемый со значениями “чужой”, “природный”, “демонический”» [Агапкина, Валенцова, Топорков 2004: 355]. Таким образом, данный признак, с одной стороны, маркирует принадлежность русалки к миру демонов, с другой – может указывать на ее связь с природой, так как этот персонаж является одним из духов природного пространства.

1.4. Одежда русалки

Гораздо реже пермская русалка предстает одетой. Такие верования в основном отмечены на севере края, а также в Очёрском районе:

*Говорят, русалка и дедушка есть водяной, в воде живут. <...> [Она с ногами?] С ногами, **одетая*** (Сгорки Усол.; Материалы);

*Мне русалка виделась – это к худому. Как-то при-
виделась: я с фермы пришла, сижу одна, зыбку качаю, гляжу, **женщина идёт в белом платке**, похожа на Маню, соседку. Прошла мимо, не зашла* (Пож Юрл.; Русские: 232–233);

*Пошёл он через **речку**. А надо ему идти далеко ещё, идет, видит, **женщина сидит в красном платье**. <...> Он и подумал: «Это, наверное, русалка»* (Берёзовка Усол.; УД: 212);

*Слышала байку о русалке. Мельница водяная ещё работала тогда. Мужик как-то шёл ночью по дороге мимо, видит, что колесо не вертится, зашёл внутрь и увидел там **девушку в белом**, она расчёсывала волосы* (Очёр; Материалы).

Этот внешний признак также маркирует принадлежность персонажа к миру демонов, но в данном случае это происходит за счет цвета одежды. Как видим, в одежде пермской русалки присутствуют два из трех основных культурно значимых цветов – белый или красный. Черный цвет одежды русалки в верованиях русских Пермского края не встречается.

1.5. Телесные аномалии

Иногда чертой антропоморфного облика русалки являются различные телесные аномалии:

*[А кожа у русалок какого цвета?] **Сине-зелёная**, как у рыбы. Ну, наверно, и **жёлтая*** (С. Коммунар Сив.; Материалы);

*У русалок **глаза закрываются снизу**, а у человека сверху. А остальное – как обычно* (Грудная Караг.; КС: 93).

Отметим, что, по общеславянским представлениям, телесные аномалии часто присутствуют в облике различных духов-«хозяев» (лешего, домового и др.), принявших антропоморфный вид, и служат маркером «нечеловеческой», «демонической» природы этих персонажей.

2. Антропо-ихтиоморфный облик

В пермских текстах облик русалки часто бывает антропо-ихтиоморфным:

*Я руками ветки раздвигаю, гляжу: на другом берегу на камне **девка сидит, голая**. <...> У неё вместо ног-то **хвост рыбий!** Вот те крест, не вру; **чешуя крупная**, блестит вся* (Нердва Караг.; Материалы);

*Вышла, **грит, русалка ли, кто ли, крылья-те де рыбные, а башка-то человечеся*** (Искор Черд.; ББ: 46);

*Русалка – это кикимора. **Волосы у нее длинные, ног нету, хвост*** (Лобанова Юрл.; Русские: 232);

*Пошли они полоскать белье с подружками, взяли корзинку, до пруда не доходят, видят: сидит **девка**, чешет волосы зеленые зеленым гребешком <...>. Видели они только ее лицо красивое и **зеленый блестящий хвост*** (Добрянка; ББ: 45–46);

*Подошёл к речке умыться, глядь – на другом берегу сидит **девушка с рыбьим хвостом*** (Материалы);

*А там речка была, хорошая такая, чистая, глубокая. <...> И вот подходит мы к ней стали, вдруг на периле **женщину** увидели. Сидит, такая красивая, вся светится, волосы свои чешет, и **хвост у нее рыбий*** (Березники; Материалы);

*[А как русалки выглядели?] Ну с **человеческой головой, с женской головой и с хвостом с рыбьим*** (С. Коммунар Сив.; Материалы).

Как видно из примеров, на территории Пермского края широко распространены представления о наличии у русалки рыбьего хвоста. Отметим, что такие верования не являются исконно принадлежащими народной культуре, а сложились под влиянием литературного образа русалки из произведений западноевропейских писателей-романтиков XIX в. [Виноградова 2009: 499]. Можно предположить, что такое «осовременивание» образа персонажа в сознании жителей края обусловлено влиянием телевидения и Интернета, поскольку там персонаж чаще представлен именно с хвостом.

3. Зооморфный облик

На рассматриваемой территории также активно функционируют представления о зооморфном облике персонажа, что находится в рамках общеславянской традиции: русалки «могли принимать вид белок, крыс, лягушек, птиц <...> либо показывались в виде коровы, коня, теленка, собаки, зайца и др. животных» [Виноградова 2009: 496]. Для пермской русалки типичны образы собаки, телушки, а также птиц – вороны, сороки:

Русалка – это какой-то зверёк, а шишига – и есть шишига. Это страшная баба, некрасивая (Н. Савята Киш.; Материалы);

Водяную тоже видали на реке. Выходит на берег, как собака рыжая, говорят, по реке плавала (Касиб Сол.; Материалы);

Она, русалка, всё равно как собака. Волосы как женщины (Материалы);

Русалки в воде видели, говорят, выходит из воды, как телушка (Воскресенское Караг.; КС: 85);

Шишига сидит, чешется. А он [старик] по воду пришёл на плот <...>, а он гребень и унёс. Пришла к нему в 12 часов: «Отдай гребень». Он не отдал. Она пташкой, вороной [оборотилась] и улетела в трубу (Осинцево Киш.; Материалы);

В двенадцать часов ночи, если мельницу без призора оставишь, то русалка прыгнет и остановит ее. <...> [А на что она походит?] На сороку походит и на человека (Узяр Куед.; КБ: 21).

4. Облик предмета

Нам также встретился единичный пример, в котором демон предстает в облике неживого предмета:

Мы как-то шли домой в деревню. <...> Смотрим, копёшка небольшая плывет. Вынырнет, лен пролошет и спрячется опять (как голова чья-то). А тут председатель колхоза идет. Он и сказал нам: «Это ведь русалка». Мы давай ноги уносить (Материалы).

Эти представления отвечают общерусской традиции, ср.: «русалка может оборачиваться возом сена» [Власова 1995: 300].

5. Атрибуты русалки

Есть у пермской русалки и свои атрибуты: водоросли на голове, как символ ее принадлежности к водной стихии, искры как явление, сопровождающее расчесывание персонажем своих волос (такой огонь связан с огнем подземным, он маркирует принадлежность русалки к миру демонов) и гребень, который в народной культуре «входит в ряд <...> женских и эротических символов <...>. Из-за наличия частых зубьев и контакта с волосами <...> наделяется также продуцирующими свойствами» [Толстая 1995: 540]; гребень русалки, как представляется, указывает на ее способность влиять на вегетацию растений и символизирует ее женскую природу. Приведем примеры из текстов:

Пошли мы с пацанами в лес на Гриф у Степовки. <...> Слышу смех, и плещется кто-то. Вышел, смотрю, четыре девчонки ныряют, купаются. Длинные волосы, русые. На голове водоросли (Пожва Юсьв.; Русские: 231);

Русалку видели котеры – рыбаки. Красивая, сидит на берегу, чешет волосы гребнем, искры вовсе летят. Волосы темно-рыжие, де. (Пожва Юсьв.; Русские: 231);

В августе были белые ночи, и пошли они полоскать белье с подружками, взяли корзинку, до пруда не доходят, видят: сидит девка, чешет волосы зеленые зеленым гребешком (Добрянка; ББ: 45–46);

Чертовка в воде сидит. Я не видала, а от людей слышала. Вот чертовка там сидит и голову чешет гребнем (Краснояр Куед.; КБ: 22);

Как-то летним ранним утром прадед Иван пошел за конём на пастбище, так как раньше коней пасли ночью. Идет он около озера и видит: на берегу сидит женщина, расчесывает волосы гребнем, а гребень такой блестящий, красивый (Григорьевское Нытв.; Нытва: 51).

Выводы

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

На территории Пермского края представления о внешнем облике русалки сохранились достаточно хорошо. В целом они находятся в русле общеславянской традиции. Так, чаще всего пермская русалка предстает в антропоморфном облике, гораздо реже – в облике животного или предмета. Такая частотность типична для традиции всех славян. Чертами внешнего облика пермской русалки, объединяющими ее с общеславянским персонажем, являются также длинные волосы, нагота, наличие одежды белого или красного цвета, телесные аномалии. Отметим, что эти черты, с одной стороны, маркируют демоническую природу персонажа, а с другой – указывают на его связь с природой и вегетацией растений. Зооморфные ипостаси (собака, телуш-

ка, ворона, сорока) и предметный облик (копёшка) пермской русалки также соответствуют общеславянским представлениям. Атрибуты пермского демона (водоросли, искры, гребень) также типичны для славянской русалки в целом.

Специфика региональных представлений о внешнем облике персонажа состоит в том, что а) пермская русалка может оборачиваться мужчиной (мужем или соседом); б) ее тело в антропоморфном облике может быть полностью покрыто шерстью.

Что касается ареального распределения типов персонажа по территории края, то оно является несколько иным, чем в общеславянской традиции. Для верований жителей Пермского края характерно деление типов русалки не по признаку красивый/безобразный, как в традиционной культуре славян (поскольку оба варианта облика в равной степени распространены на всей территории края), а по признаку архаический (с ногами) / осовремененный (с хвостом). Первый вариант образа русалки как одетой девушки с ногами, появляющейся на суше (на деревьях – в лесу или на берегу лесных водоемов), характерен для северной части края (Чердынский, Гайнский, Юрлинский районы) и постепенно утрачивается. Второй тип – русалка – нагая девушка или женщина с рыбьим хвостом, обитающая в воде – известен на всей территории края и получает все большее распространение под влиянием массовой культуры.

Условные сокращения

Добр. – Добрянский район
Ильин. – Ильинский район
Караг. – Карагайский район
Киш. – Кишертский район
Кудым. – Кудымкарский район
Куед. – Куединский район
Кунг. – Кунгурский район
Нытв. – Нытвенский район
Окт. – Октябрьский район
Охан. – Оханский район
Сив. – Сивинский район
Сол. – Соликамский район
Усол. – Усольский район
Черд. – Чердынский район
Юрл. – Юрлинский район
Юсьв. – Юсьвинский район

Список источников

ББ – Шумов К.Э. Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 412 с.

КБ – Черных А.В. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского

района Пермской области в конце XIX–XX вв. Пермь: ПОНИЦАА, 2004. 114 с.

КС – Подюков И.А. Карагайская сторона: народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2004. 320 с.

Материалы – Материалы архивов филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета – диалектологического архива лаборатории лексикологии и лексикографии (рук. к. филол. н., доц. И.И. Русинова) и фольклорного архива лаборатории теоретической и прикладной фольклористики (рук. к. филол. н., доц. С.Ю. Королёва).

Нытва – Подюков И.А. Нытва: Традиционная культура, язык и фольклор. В помощь этнопедагогу и краеведу. Нытва; Пермь: РУО-ПОИПКРО, 2001. 70 с.

Русские – Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: От и до, 2008. 502 с.

УД – Подюков И.А. и др. Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. / И.А. Подюков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. 240 с.

Список литературы

Агапкина Т.А., Валенцова М.М., Топорков А.Л. Нагота // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 355–360.

Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Золото // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 352–355.

Белова О.В. Зеленый цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 305–306.

Белова О.В. Цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012а. Т. 5. С. 474–476.

Белова О.В. Черный цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012б. Т. 5. С. 513–518.

Боброва М.В. Семантические группы лексики с корнем -бес- в русских говорах и антропонимии Пермского края // Русские народные говоры:

прошлое и настоящее. Вторые Громовские чтения: сб. мат. и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома: Изд-во Костромск. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова, 2015. С. 43–51.

Виноградова Л.Н. Русалка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 495–501.

Власова М.Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Королёва С.Ю. Обряд «проводов души» с ритуальным заместителем умершего (материалы русско-коми-пермяцкого пограничья) // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 52–76.

Королёва С. Ю., Беломестнова А.С. Образ петуха в рассказах о кладах (на материале несказочной прозы русского и финно-пермских народов) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, № 5. С. 192–205.

Плотникова А.А. Шерсть // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 576–579.

Подюков И. А. Особенности освоения русских народных мифонимов и обрядовых терминов коми-пермяцким языком // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 20–31.

Подюков И.А. Ономастическое оформление картины потустороннего мира в народной культурно-языковой традиции // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 125–139.

Русинова И.И. Синтаксические модели устойчивых сочетаний с глаголом *знать* в русских

мифологических текстах Пермского края // Филология в XXI веке. 2019. № 2(4). С. 65–71.

Русинова И.И. Способы облегчения смерти колдуна (на материале русских мифологических рассказов Пермского края) // Традиционная культура. 2020. Т. 21, вып. 1. С. 136–148.

Русинова И.И., Шкураток Ю.А. Мотивы передачи/получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 59–69.

Тараканова Д.А. «Символическое» в семантике цветообозначений в народной культуре (лингвокультурологический аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2012. Вып. 360. С. 15–17.

Толстая С.М. Гребень // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 540–543.

Толстой Н.И., Усачева В.В. Волосы // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 420–424.

Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 1996. 212 с.

Черных А.В., Русинова И.И., Шкураток Ю.А. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // Традиционная культура. 2016. № 2. С. 62–79.

A MERMAID'S IMAGE IN THE MYTHOLOGICAL TRADITION OF THE RUSSIANS LIVING IN THE PERM REGION

Mariia A. Granova

Assistant Lecturer, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

Basing on the material of mythological texts of the Perm region the author considers ideas about a mermaid's image in the consciousness of the Russian residents. In the Permian tradition, the following common Slavic elements are distinguished: a mermaid can have an anthropomorphic, zoomorphic, or object-like appearance; her anthropomorphic features include long hair, nudity, white or red clothing, body abnormalities; her attributes are algae, sparks, and a comb. Regional features of a mermaid's appearance extend to male anthropomorphic appearance and hair all over the body. The areal distribution of this character types in the General Slavic tradition occurs on the basis of beautiful/ugly features, while in the Permian one – on the basis of the archaic (mermaid with legs) / modern (mermaid with tail) tradition. The first type is known in the North of the region; the second one – under the influence of the media – is distributed throughout the region.

Keywords: folk demonology; mermaid; mythological text; Russian dialects; Perm region.